

УДК 9(571.55)(–21)

История Читы: в преддверии города

М. В. Константинов, Т. А. Константинова

*Забайкальский государственный университет, г. Чита
Государственный архив Забайкальского края, г. Чита*

Аннотация. Статья посвящена начальной истории Читы как населенного пункта – от первого зимовья к плотбищу, а затем к слободе, острогу, селению, и, наконец, городу – центру Забайкальской области. Хронологические рамки – с 1653 по 1851 г. с эпилогом до начала 1860-х гг. Чита, расположенная на реке Ингоде, в верховьях Амурской речной системы, у восточного подножия Яблонового хребта, сыграла важную роль в русском освоении Забайкалья и Приамурья. В статье вводятся в научный оборот многие исторические документы из Госархива Забайкальского края, а также обобщаются результаты исследований по этой теме историков и краеведов. Восстанавливается историческая перспектива различных по характеру событий: административных, церковных, военных, научных, личностных и др., переплетающихся между собой и отражающих начальную историю Читы, а вместе с тем всего Забайкалья с учетом его геополитического положения и взаимоотношений с Китаем.

Ключевые слова: Чита, зимовье, плотбище, слобода, острог, русские первопроходцы, Забайкалье, Амур, Китай.

История Читы, как и многих других сибирских городов, начинается с зимовья. В «Отписке Петра Бекетова из Иргенского острога», адресованной енисейскому воеводе Афанасию Пашкову, оно обозначено как государево зимовье на Ингоде, Ингодинское зимовье, Малый острог, Крепостица [3, л. 326–331].

Строительство зимовья велось под началом Петра Бекетова. К нему приступили 19 октября 7162 г. (от сотворения мира. – *Прим. авт.*), или 29 октября 1653 г. При пересчете даты следует помнить, что календарный год в то время начинался с 1 сентября. Расхождение между эрой от сотворения мира и эрой Рождества Христова для такой ситуации составляет 5 509 лет, а разница в днях (между юлианским и григорианским календарями для XVII в.) – 10 дней.

Первым «Отписку» изучил член Санкт-Петербургской академии наук И. Е. Фишер [75, с. 566–569]. Этот документ изучали также историки казачества В. К. Андриевич [1, с. 25–29] и А. П. Васильев [7, с. 48–49], доцент Читинского пединститута В. Г. Изгачев [34, с. 55], архитектор Н. П. Крадин, краевед М. Ю. Тимофеева [50, с. 171–174]. Полностью текст «Отписки» опубликован читинским краеведом В. Ф. Балабановым в 1982 г. [64, с. 76–79], а с

этой публикации перепечатан в журнале «Забайкалье: наука, культура, жизнь» в 2003 г. [63, с. 59].

Посланный в Забайкалье для освоения территории П. И. Бекетов получил от царя Алексея Михайловича высокое право действовать по собственному усмотрению, но с формулой «по государеву указу», и с успехом ей пользовался.

«Отписку» Бекетов отправил после 20 января 1654 г. (30.01.1654). В ней сообщалось о том, как он дошел вместе со служилыми от Байкала до оз. Иргень. Затем он осмотрел окрестности этого озера, а также соседних озер Шакша и Арахлей. После рекогносцировки было выбрано место для государева Иргенского острога. Его строили 72 человека – служилые, казахи наемщики и охочие люди. В составе отряда были те, кто в 1650 г. вместе с баргузинским атаманом Василием Колесниковым впервые обследовал Иргень, пересек Яблоновый хребет и вышел к р. Ингоде, а затем к р. Нерче. В отряде Бекетова они являлись проводниками; в их числе были Яков Софонов и Максимка Уразов. Эти данные содержатся в «Отписке А. Пашкова» от июля 1653 г. С ней, как и со многими другими документами XVII в., первым познакомился и сохранил ее путем копирования академик Г. Ф. Миллер во время сибирской экспедиции. В середине XIX в. эта «Отписка», как и сотни других письменных источников, была опубликована в «Дополнениях к актам историческим» [61, л. 390–396]. После завершения строительства Иргенского острога бекетовцы отправились по волоку через Яблоновый хребет на Ингоду [3, л. 326–331]. Длина волока измерялась с помощью специальной веревки и определялась в 20 верст. Этот волок ныне опознаваем с выходом на р. Рушмалей (левый приток Ингоды), его длина более 40 км. Простое сравнение указанных цифр, выраженных в верстах и километрах, показывает, что используемая Бекетовым верста равнялась 2 160 м (межевая, т. е. фактически двойная, верста).

На Ингоде бекетовцы соорудили плоты и 19 (29) октября поплыли по Ингоде с целью достичь Шилки. Сплав продолжался половину дня, при этом проплыли они около 10 верст. Далее сплавщики наткнулись на ледяной затор, после чего Бекетов «велел служилым людям срубить зимовье» [3, л. 326–331]. В зимовье были построены 3 избы и государев амбар. Вокруг строений сооружена крепость. Избы предназначались для казаков, а амбар – для хранения государевой казны и личных запасов казаков [3, л. 326–331].

Государева казна могла состоять из серебряной монеты. На нее бекетовцы покупали у тунгусов коней, платя за одного по 10–15 руб. Из этой казны казаки получали жалование, из нее же преподносились подарки тунгусам. Крепость, судя по аналогичным ситуациям, возводили из бревен, устанавливаемых вертикально в виде частокола. Число строений было не случайно, их сооружали по традиции по углам крепости – для большей прочности и устойчивости всей конструкции. В «Отписке» использованы понятия «амбар государев», «казна государева», «государево зимовье», поскольку построено все это, как и Иргенский острог, по государеву указу. И сам Петр Бекетов был словно воплощением государевой воли.

Существует вопрос о точном месте расположения на Ингоде государева зимовья. Исследованием на местности установлено, что волок от оз. Иргень

через Яблоновый хребет заканчивался устьем р. Рушмалей. Далее, как уже отмечалось, бекетовцы проплыли на плотках 10 верст, т. е., при той же двойной версте, более 20 км. В связи с этим рассчитывается, что они могли поставить государево зимовье в районе с. Сивяково (появившегося в дальнейшем), на правом берегу Ингоды, под защитой хребта Черского.

Строили государево зимовье 30 человек. Они должны были справиться с работой примерно за месяц. За такой срок был построен Иргенский острог. Построив зимовье – крепостицу на Ингоде, Петр Бекетов направил отряд казаков во главе с пятидесятником Максимкой Уразовым на Шилку. Они шли конным путем до места около 8 дней, а затем построили на правом берегу Шилки, напротив устья р. Нерчи, малый острожек с одной избой и с внешней изгородью. Он получил название Шилский [3, л. 326–331]. Это могло быть в самом конце 1653 г. С Шилского острога и начинается, по сути дела, история Нерчинска.

Сам Петр Бекетов с Ингодинского зимовья ушел зимовать в Иргенский острог, оставив в зимовье группу казаков во главе с пятидесятником Ивашкой Котельниковым. Весной 1654 г. Бекетов из Иргенского острога с группой из 20 казаков вновь дошел до Ингодинского зимовья, забрал оттуда еще 20 казаков и все запасы и двинулся на плотках по Ингоде и Шилке к Шилскому острогу. В составе отряда были казачий пятидесятник Дружинка Васильев сын Попов, десятники Ондрюшка Гусев, Ивашко Герасимов, Чебучаков, Петрушко Малышов, Стенка Иванов, Левка Крохалев, Стенка Ипатов, Панка Клементьев, Ивашко Антонов, а также служилые люди [3, л. 326–331]. Движение отряда на плотках по Ингоде могло в самом лучшем случае начаться в конце апреля, а скорее всего, происходило в первую декаду мая, когда река стала свободной ото льда. В июне 1654 г. все перечисленные казаки тем же путем вернулись в Иргенский острог, затем направились в Енисейск, а оттуда в Москву, где 31 января 1655 г. вручили царю Алексею Михайловичу «Отписку», т. е. отчет енисейского воеводы Афанасия Пашкова. Эта «Отписка» проливает дополнительный свет на походы и успехи казаков Бекетова [60, с. 203–208]. Важно подчеркнуть, что Петр Бекетов со служилыми людьми был послан царем Алексеем Михайловичем «на Иргень оз. и на великую реку Шилку с добром, а не с войной и не с боем...», что особо отмечено в «Отписке енисейскому воеводе Афанасию Пашкову» в июле 1653 г. [62, с. 190].

Судьба государева зимовья на Ингоде после 1654 г. документально не установлена. Не исключено, что его постигла участь Иргенского и Шилского острогов, сожженных тунгусами в 1655 г.

Историк А. П. Васильев, опубликовавший свое исследование в 1916 г. [7], опираясь на «Отписки» П. Бекетова и А. Пашкова, определил, что государево зимовье на Ингоде, построенное в 1653 г., располагалось близ устья р. Читы. К такому же выводу, начиная с 1950-х гг., пришел читинский историк В. Г. Изгачев [28; 29; 33]. На основании этих исследований в Чите в 1953 г. отмечалось 300-летие основания города, а в 1967 г. в центре Читы, на фасаде гостиницы «Забайкалье», создано художественное панно на историческую тему, публично утвердившее 1653 г. как начало истории Читы. В даль-

нейшем краевед В. Ф. Балабанов подтвердил, что первое зимовье было построено в 1653 г., но посчитал, что оно находилось на другом месте – не в устье р. Читы, а выше на 20 км по Ингоде, в районе с. Сивяково. На этом основании В. Ф. Балабанов [5], а также М. Ю. Тимофеева [73], В. Ф. Немеров [58] и некоторые другие авторы предложили изменить дату основания Читы с 1653 г. на более позднюю, связав ее с событиями 1680-х гг.

На наш взгляд, в этом нет никакой необходимости, поскольку сам факт строительства зимовья в 1653 г. подтвержден строго документально и никем не опровергается. При этом нет принципиальной разницы в том, построено ли было зимовье в устье Читы или выше по р. Ингоде, где-то на юго-западной окраине современной Читы, или же в ее ближайших окрестностях. Самое главное, что само строительство состоялось и казаки освоили эту местность, а затем неуклонно использовали ее как при движении с запада на восток, так и с востока на запад (вне зависимости от того, сколь долго использовалось первое зимовье), что подтверждается всеми имеющимися вышеприведенными источниками.

Напомним, что Ингодинское зимовье было построено не в виде одинокой избушки, а как крепость с острожным ставлением и 4 бревенчатыми сооружениями по внутренним углам. И названо это зимовье было государевым! Такому историческому прологу может позавидовать любой город!

В других городах, если и возникает дискуссия о дате основания города, то обсуждаются предложения об удревнении этой даты, поскольку более древние даты более почетны. И только в среде читинских краеведов возникла прямо противоположная идея, фактически отсекающая от истории города четверть века уникальной истории, связанной с именами русских первопроходцев, могучих государевых людей, обеспечивших присоединение территории Забайкалья к Русскому государству.

В дополнение к этому еще раз подчеркнем, что история многих сибирских городов начиналась с зимовий, которые неоднократно переносились с места на место в поисках более подходящего места. Но более всего это будет понятно на примере Нерчинска.

Сначала на месте нынешнего с. Калинино (в 20 верстах от Нерчинска) был построен Шилский острожек (с одной избой внутри ограды). Через 5 лет на Нерче, близ ее устья, построен другой острог, первоначально названный Верхним Шилским, потом Нелюцким, Нелюдским, Тунгусским, а затем Нерчинским острогом, ставшим в 1689 г. городом Нерчинском. В 1750 г. город перенесли на другую сторону поймы р. Нерчи, где было более сухое место, а в 1812 г. его переместили еще раз, теперь выше по Нерче на 12 верст, на то место, где он и поныне располагается [33; 49]. При этом разнообразии событий и перемещений история Нерчинска надежно скреплена единой традицией и начинается с Шилского острога! И это совершенно оправдано, поскольку имеет внутреннюю стержневую логику, идущую от деяний казаков-первопроходцев: они шли на Шилку и Нерчу именно для острожного ставления и задачу эту героически исполнили. Вслед за этим в Нерчинске, в 1689 г., был подписан договор с Китаем, обеспечивший международную легитимность принадлежности территории Забайкалья Русскому государству. Дороги же в Нерчинск

пролегли через Читинское плотбище, где к этому времени закрепилось селение из нескольких изб и где систематически заготавливали лес и сооружали плоты для сплава вниз – к Шилке, Нерче и Амуру!

Впрочем, об этом следует рассказать по порядку, на основании исторических документов.

В августе 1855 г. царь Алексей Михайлович велел новому енисейскому воеводе Ивану Акимову снабдить Афанасия Пашкова и его сына Еремея, направленных в сопровождении 300 казаков на государеву службу в Даурскую землю, всем необходимым, в том числе выдать им 50 пудов пороха, 100 пудов свинца, а также вино, муку, крупу, и пр. [12, л. 40–41]. Начав свой поход в Енисейске в 1657 г., Пашков весной 1658 г. тем же волоком, что и Бекетов, прошел на Ингоду.

Под началом Пашкова находился ссыльный протопоп Аввакум с семьей. В «Житие» Аввакум указал, что от Иргенского острога до Ингоды «волок верст за сто», преодолев который, он вместе с семьей «да под сосной и жить стали», поскольку Пашков поначалу в засеку их не пустил [29, с. 35]. Расстояние, указанное Аввакумом («верст за сто»), позволяет предположить, что местом их остановки на Ингоде был район будущей Читы. На этом месте Пашков с казаками развил невероятную по масштабам деятельность, срубив городской лес для строительства двух острогов (на Нерче и на Амуре), связал этот лес в 170 плотов и на этих плотах сплавился со своим отрядом по Ингоде и Шилке, затратив 3 недели, до устья Нерчи. На р. Нерче, выше ее устья, в том же 1658 г. он поставил Нерчинский острог (первоначальные названия – Верхний Шилский, Нелюцкий, Нелюдский, Тунгусский), заменивший сожженный тунгусами прежний Шилский острог. О деятельности своего отряда А. Пашков отчитался перед царем в «Отписке». В изложении она представлена в публикациях Н. П. Крадина и М. Ю. Тимофеевой [50, с. 174], Е. В. Вершинина [9, с. 45].

В 1661 г. Аввакум с семьей уже известным ему путем был возвращен из ссылки [29, с. 38, 39, 239]. В 1662 г. обратный путь проделал и сам Пашков. В 1664–1665 гг. тот же путь со сплавом по Ингоде прошли 80 казаков, доставив в Нерчинск провиант, холст, сети, ножи, посуду, бумагу и денежное довольствие [4, с. 139–143].

Во второй половине 1660-х гг. нерчинские казаки, уже освоившиеся на даурских просторах, нашли новый путь от Байкала к Амуру. Он проходил немного севернее прежнего: от Баргузинского острога к Телембинскому острогу, далее через Яблоновый хребет в долину р. Читы с выходом к ее устью, а затем вдоль левого берега р. Ингоды, через отроги хребтов, до р. Шилки. Через 10 лет этот маршрут был еще более спрямлен – он вел сначала к Еравнинскому острогу, а затем к р. Чите. По этому маршруту хлеб доставлялся от Байкала до Нерчинского острога примерно за 2 недели. В 1672 г. из Тобольска, Братского и Иркутского острогов этим путем в Нерчинский острог доставляли хлеб (1 666 пудов), порох, свинец, ядра и 3 пушки [7, с. 130–139].

В 1675 г. этим маршрутом прошло русское посольство в Китай, возглавляемое Н. Спафарием-Милеску. В дневнике он отметил, что посольство, по-

кинув Телембинский острог 25 ноября, на второй день пути преодолело «хребты великие и лесные, а потом степью, и приехали на реку небольшую Читу и у той реки ночевали от стану 35 верст; а река Чита вытекала из гор каменных и впала в реку Ингоду». На следующий день посольство, преодолев «хребты лесные и по хребтам ломы великие и приехали к речке Микишиной (Никишихе – левому притоку Ингоды. – *Прим. авт.*) и ночевали от реки Читы 25 верст» [71, с. 253]. Еще до р. Читы посольство встретил посланный из Нерчинского острога тобольский казак с 10 человеками «для оберегания». Отсюда понятно, что посольство вдоль р. Читы двигалось с проводником, что обеспечивало ему наилучший путь. Посольство передвигалось на подводах, предоставленных боярским сыном Игнатием Миловановым [7, с. 147]. Посольство побывало в Пекине, но не добилось поставленной цели, в результате чего вопрос о принадлежности Амура обострился. В связи с этим, а также в связи с открытием серебряной руды на р. Аргунь, контакты Енисейска и Нерчинска, проходившие через читинскую местность, расширились, при этом в Нерчинск и обратно продвигались чиновные люди, доставлялись пища, свинец, порох. Скорее всего, в это время стал использоваться водный путь от устья Читы по Ингоде на Шилку, поскольку сухопутным путем, через многочисленные хребты было двигаться весьма тяжело.

В 1681–1682 гг. двумя партиями через читинскую местность проследовали на Шилку сначала 17, а затем еще 23 семьи ссыльных [33, с. 101–102]. Этим же путем двигались казаки и крестьяне. Из Телембинского острога направлялось на восток железо. Особо ответственным и охраняемым грузом была перевозимая до Нерчинска и предназначенная казакам как жалование за несколько лет серебряная монета на сумму 8 662 руб. 30 коп. [7, с. 150–151]. Поскольку в то время рублевая монета не чеканилась, то денежное жалование доставлялось в виде серебряных копеек, вес каждой из которых составлял порядка 0,4 гр [55, с. 228–230], а общий вес денежного жалования – более 20 пудов.

В 1684 г. по дороге в Нерчинск и Албазин в читинской местности побывали воеводы И. Власов и А. Толбузин. В 1685 г. здесь прошел на помощь Албазину казачий отряд под началом полковника Афанасия Бейтона. До устья Читы на подводах, а далее на плотках по Ингоде неоднократно сплавляли вниз запасы хлеба [7, с. 178–180].

В том же 1685 г. князь Гантимур, его сын Катан и внук Чекулай, крещенные годом раньше под именами соответственно Петр, Павел и Василий, проследовали через читинскую местность в Москву, при этом старый Гантимур в пути заболел и умер, а младшие были приняты царской семьей, щедро награждены, обращены в дворянство с присвоением княжеских титулов и возвращены в Нерчинский острог для дальнейшей службы [2, с. 53].

В 1687 г. царский посол Ф. А. Головин, находясь в Селенгинске, в письме нерчинскому воеводе Ивану Власову, отправленному со стрельцом Немкиным, впервые упомянул как таковое плотбище на устье р. Читы [4, с. 230]. Федор Головин просил Ивана Власова направить «на плотбище усть Читы-реки» приемщика хлеба. Этот хлеб должны были доставить на подводах служилые и промышленные люди с р. Уды и Еравнинского острога. Власов на-

правил на плотбище нерчинского казака Карпа Юдина, возведенного из рядовых в чин десятника. Его сопровождала группа казаков. В марте 1688 г. Юдин отчитался перед Власовым о приеме 1 143 пудов хлеба. Новая группа казаков, прибывшая из Нерчинска, построила плоты и сплавила хлеб водным путем. Юдин сообщил Головину о выполненном задании, отметив, что пишет «с Читы-реки новой слободы с плотбища» [72, с. 73].

В отписке Ф. Головина нерчинскому воеводе И. Власову, доставленной 15 сентября 1688 г. албазинским казаком Екимко Ивановым, ставилась задача взять «на плотбище у подрядчиков шесть сот пудов, также и служилых людей шестьдесят человек» для доставки и помощи А. Бейтону, находившемуся в Албазине, о чем «на плотбище к прикащику и подрядчику памяти от меня посланы наперед сего...» [59, с. 296–297]. В следующей отписке от Головина к Власову, доставленной 9 ноября того же года конным казаком Сенкой Булатовым, еще раз сообщалось, что хлеб с плотбища был необходим для Албазина, поскольку китайцы около острога в июле предыдущего года посев хлеба уничтожили «весь без остатку» [59, с. 298], от чего, по данным А. Бейтона, наступил голод и уже есть умершие [59, с. 297]. Но в этой же отписке уточняется, что с плотбища отправили всего лишь «хлебных запасов сто пудов, да ясачного сбора пятьдесят скотин рогатых...». В связи с этим давалось новое указание: об отправке в Албазин дополнительно «сто скотин рогатых, а также хлебных запасов, что возможно взять с плотбища, или где в Нерчинску, без замотчанья, а с теми запасы послать кого из детей боярских, а с ним служилых людей, сколько человек пригоже...» [59, с. 298].

Читинское плотбище, являвшееся важным перевалочным пунктом на пути в Нерчинск, неоднократно упоминается в «Статейном списке посольства Ф. А. Головина», представляющем собой ежедневные записи событий с текстами документов, получаемых и отправляемых послом, в том числе великим государям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу. Эти записи вел сам Головин и его подчиненные из разрядного шатра, т. е. походной дипломатической канцелярии [70, с. 468–471]. «Во днище на Читинской степи» – так общается о месте встреч близ Читинского плотбища [70, с. 151].

Согласно «Статейному списку», Ф. А. Головин 28 июля 1689 г. «пришед я, холоп ваш, на плотбище, а со мною, холопом вашим, пришли только московские стрельцы, а достальные служилые люди за превеликими грязями и болоты и за пристальными под полковыми казнами и хлебными запасы лошадыми остались от меня, холопа вашего, назади в 2-х днищах. И того ж числа послал я, холоп ваш, в Нерчинской того ж вышеописанного дворянина Василья Лутовинова к великим китайским послом с листом..., в котором писали, что будут они к Нерчинску на посольский съезд в августе месяце» [70, с. 468].

Следующая запись сообщает: «И дождався мы, холопи ваши, к плотбищу остальных служилых людей с хлебными запасы и поделав плоты, пошли к Нерчинску августа в 3 день. А с конными табунами послали к Нерчинску капитанов Федора Стахорского да Богдана Булгакова, а с ними служилых людей 80 человек» [70, с. 469]. Вероятно, в силу важности и масштабности этого события оно описывается еще раз, но с дополнениями: «Августа в 3 день, поделав

плоты и собрався с служилыми людьми, пошел с плотбища плотами. И плыли наперед московские стрельцы перед послами, а назади послов плыли сибирские служилые люди. А на плотях было служилых людей человек по 12 и больши. И пороховую казну и пушки и всякие воинские и хлебные запасы плавил на тех же плотях. А чтоб идти лошадьми с плотбища к Нерчинску, и за великими каменными горами с пушками было никоими делы немочно» [70, с. 471]. На следующий день где-то на Ингоде эскадру из плотов встретил уже вернувшийся из Нерчинска Василий Лутовинов, «который посылан был к великим китайским послом говорить, чтоб для приходу посольского от Нерчинска они отступили бусами на низ Шилки-реки» » [70, с. 471].

В Нерчинске Ф. А. Головин подписал с послами Цинской империи Нерчинский договор (27–29 августа 1669 г.), по которому территория Даурии до р. Горбицы (левый приток Шилки в ее низовьях, близ начала Амура) закреплялась за Русским государством [68, с. 61–83; 70, с. 29–30, 645–660]. К Нерчинскому договору приложен «Чертеж течения Амура», составленный полковником А. Бейтоном, на котором там, где р. Чита впадает в Ингоду, отмечен залом (т. е. место скопления сплавного леса) [70, с. 524]. На другом чертеже того же автора, отражающем территорию от Байкала до Амура, на Ингоде показано плотбище [52, с. 27–28; 70, с. 461].

В октябре 1689 г. Ф. А. Головин, завершив дела в Нерчинске, вместе с посольством и отрядом прошел в обратный путь через Читинское плотбище до Удинска, где все без исключения, т. е. более полутора тысяч человек, были награждены царскими наградами – золотыми и позолоченными монетами, специально присланными из Москвы. В числе награжденных был забайкальский тунгус князь Павел Гантимуров [7, с. 54]. В дальнейшем Ф. А. Головин станет первым кавалером ордена Святого Андрея Первозванного, первого и высшего российского ордена [57, с. 61].

В начале 1690 г. читинский приказчик Карп Юдин по заданию Ф. А. Головина отправил в Удинск 65 голов скота и 7 лошадей в Телембинский острог, при этом в Читинском плотбище осталось 4 «животины» [11, с. 2].

В 1693 г., 15 мая, на плотбище прибыли посол Избрант Идес и секретарь посольства Адам Брандт. Они вели дневники, которые в дальнейшем были опубликованы как «Записки о русском посольстве в Китай». По дороге к плотбищу они общались с тунгусами, удивляясь их внешнему облику, одежде, занятиям и особенностям погребального обряда и пр. На следующий день после прибытия на плотбище их догнал караван, который, перевалив через Яблоновый хребет, прошел через участок с горячей степной травой, при этом от огня и бескормицы пострадали лошади. В «Записках» отмечено, что «в селение, называемое Плотбище... было 6 домов; маленькая река Чита омывает это лишь недавно обжитое место» [31, с. 114]. Посольство задержалось на плотбище для отдыха и сооружения плотов. Затем караван, состоящий из лошадей, быков и верблюдов, пошел до Нерчинска через горы, а само посольство поплыло вниз по Ингоде и Шилке, которые оказались даже для плотов очень мелкими [31, с. 105–107, 114–115].

Ко времени прибытия посольства приказчиком на плотбище служил Иван Бузунов. Под его началом находились конные казаки Федор Зиновьев, Иван Сидоров, Ананий Никифоров, Василий Молоков, Иван Грамотка, Григорий Кайдалов и пеший казак Алексей Добрынин. Казаки собирали ясак, таможенные и пошленные сборы. Для прокормления они наделялись большими участками земли [72, с. 73]. Отчет о работе приказчик плотбища держал перед ближайшим к нему Телембинским острогом и перед городом Нерчинском как центром Нерчинского воеводства.

Читинская история в период с конца XVII и до середины XIX в. достаточно надежно прослеживается по документам Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК, ранее – ГАЧО). Они представлены в фонде «Нерчинская воеводская канцелярия» [14], поскольку Читинское селение подчинялось Нерчинску как центру Нерчинского воеводства [45, с. 335–336]. Фонд включает в себя 139 дел, которые относятся ко времени с 1686 по 1776 г. Они включают в себя списки нерчинских дворян, детей боярских и служилых казаков, указы, приказы, доношения, промемории, ведомости и пр. Документы свидетельствуют о заселении края, развитии промышленности, возникновении пашенного земледелия, взаимоотношениях с коренным населением, формировании и охране границы, оказании содействия научным экспедициям, торговых операциях, населенных пунктах и т. д. [37, с. 10–58; 43, с. 85]. В них нередко, начиная с 1698 г., упоминается Читинская слобода [18, л. 360, 375 об., 452].

Ряд документов, имеющих отношение к Читинскому селению, представлены в фонде «Нерчинское горное правление» [21]. Они включены в данный фонд, поскольку это селение находилось на территории Нерчинского горного округа, являвшегося вотчиной российской императорской семьи, при этом горная власть исполняла не только экономические, но также административные функции [44, с. 329–331]. Самый ранний документ датируется 1721 г., а последний по времени относится к началу XX в. В этом же фонде содержатся документы по ссыльнокааторжным, включая декабристов [46, с. 86–87].

Сведения о Михайло-Архангельской церкви и ее священниках сохраняются в фонде «Церкви Забайкальской области» [25].

На рубеже XVII–XVIII вв. крупным русским картографом С. У. Ремезовым, работавшим в Тобольске, создано два чертежа. Один из них назван «Чертеж Сибири». На нем, неподалеку от Иргенского острога, обозначено Плотбище. На втором, именуемом «Чертеж земель Нерчинского города», обозначена Слобода Читинская [52, с. 27–28].

От 1698 г. дошло первое письменное упоминание об Архангельской церкви в Читинской слободе. Священником в ней до 1708 г. служил Лука Андреев Крюков. В то время в слободе жили конные казаки Василий Молоков, Осип Садовник, весовщик Олешка Кожевников и др. В 1704 г. церковь в слободе определяется как Николая Чудотворца с тем же священником Крюковым. Известно, что он скончался в Нерчинском Успенском монастыре в 1725 г. В церкви служил также дьячок Леонтий Михайлов сын Малышев, переведенный в 1709 г. в Сретенск, называемый Нижним острогом [76, с. 10].

В 1704 г. через Читинскую слободу в Москву, а затем в Петербург доставили первую пробную партию нерчинского серебра весом 1 фунт 24 золотника. Из него на монетном дворе были отчеканены монеты рублевого достоинства с изображением Петра I [40, с. 332].

В 1706 г. приказчиком Читинской слободы значился Василий Казанцев. В этом году нерчинские воеводы отец и сын Мусины-Пушкины прислали в Читинскую слободу 10,5 пуд. свинца, при этом половину разрешалось продавать, а другую половину требовалось отправить в Телембинский острог. Читинским конным казакам тогда же было выдано жалование серебряной монетой и хлебом. В 1707 г. в Читинской слободе проживало 13 крестьян, один из них – по фамилии Сухото. В 1709 г. в слободе проживало 16 пашенных крестьян, здесь действовали пивоварня и кабак, где продавались вино и табак, привезенные из-за Байкала. Приказчиком слободы являлся Степан Сенотрусов [5, с. 80–81].

Читинский острог как новое название Читинской слободы впервые фигурирует в документах от 1710 г. с упоминанием в ней церкви с двумя службами – Архистратига Михаила и Николая Чудотворца [76, с. 10]. Затем Читинский острог упоминается в окладной книге 1711 г. и в ревизской сказке 1719 г., где названы Архангельская церковь и служивший в ней священник Стефан Медведев [2, с. 85]. В 1715 г. в Читинском остроге проживало 15 служилых людей. В 1720-х гг. приказчиком в остроге был нерчинский сын боярский Леонтий Шестаков, а затем Тихон Шишкин [5, с. 83].

В конце июня 1724 г. в Читинский острог прибыл ученый Д. Г. Мессершмидт, приглашенный на службу в Россию Петром I и направленный с экспедицией в Сибирь для ее комплексного изучения. Через месяц – 26 июня 1724 г. – он отплыл на плоту вниз по Ингоде. После длительного путешествия, крайней точкой которого было оз. Далай-Нор, в январе 1725 г. Мессершмидт вернулся в Читинский острог, где 25 января застал сильное землетрясение [4, с. 114–115].

В 1725 г. Читинским острогом управлял служилый человек Петр Тутилов. В остроге и приписанных к нему деревнях находилось 36 конных и пеших казаков. В тот год «в степи» убило громом священника М. Г. Титова [76, с. 128].

В 1726 г. Читинский острог и другие местности по долинам Ингоды, Онона, Шилки обследовал сотрудник посольства С. Л. Рагузинского инженер Х. Я Шварц; он выбирал место для новой крепости, но в итоге предпочел Нерчу [2, с. 56].

В том же году в Читинском остроге учреждена почтовая станция, являвшаяся подразделением государственной почтовой службы. Надзирателем станции был отставной служилый Т. Никитин. От Удинска почтовая дорога пролегла по долине Уды. По дороге был расположен ряд почтовых станций. На каждой станции находилось по 50 лошадей и несколько верблюдов. Самый трудный участок приходился на Яблоновый хребет. От Читинского острога на восток было два варианта передвижения: по дороге со многими крутыми подъемами и по реке, причем в зимнее время – по льду, а в летнее – на плотах

со сменой на станциях гребцов. Зимой почта от Иркутска до Нерчинска доходила за 6 дней, а летом, вокруг Байкала, по бездорожью – за 12 дней. В 1735 г. введен в действие Московско-Сибирский тракт – колесно-гужевая дорога, начинающаяся в Екатеринбурге, проходящая через Читинский острог к Сретенску [8, прил. с 79–80; 31, с. 7].

6 июня 1735 г. в Читинский острог прибыл отряд Санкт-Петербургской академии наук под руководством Г. Ф. Миллера [4, с. 117–120; 56, с. 151–152]. Он указал географическое положение Читинского острога по отношению к рекам Ингода и Чита и к городу Нерчинску (до него 239 верст), а также на то, что в остроге имеются церковь Михаила Архангела с боковым алтарем Святого Николая и 11 дворов жителей, из которых 3 двора находились в стороне, над Ингодой. Отдельно стоявшие дворы дали, вероятно, начало деревни Титово. Миллер отметил, что Читинское селение неправомерно называют острогом, поскольку оно никогда не было укреплено палисадом. Миллер привел его старое название – Читинское плотбище, поясняя, что отсюда до Нерчинска из-за чрезвычайно трудной дороги обычно отправляются рекой. К Читинскому острогу, по Миллеру, было приписано 19 деревень. В состав отряда Г. Ф. Миллера входили натуралист врач И. Г. Гмелин, студенты А. П. Горланов и С. П. Крашенинников, будущий академик, а также студент и переводчик И. Яхонтов и художник И. В. Люрсениус [15, л. 54–57, 115–117; 56, с. 506]. Крашенинников вел дорожный журнал, в котором отметил, что отряд с помощью местных жителей из острога три дня готовил плоты для сплава по Ингоде и Шилке. Совершив водное путешествие до г. Нерчинска, а затем сухопутное – до Аргуни, отряд, возвращаясь, вновь прибыл в Читинский острог. Это произошло 10 августа 1735 г. С. П. Крашенинников особо указал, что читинские жители ездят за солью на соляное оз. близ речки Борзи [31, с. 198–199, 203].

В 1740-х гг. в Читинском остроге появилась таможня. Пошлина собиралась мягкой рухлядью, товарами и деньгами [74, с. 11].

В 1741 г. в Читинской церкви крестили тунгусов, что происходило периодически [76, с. 22].

В 1745 г. в Читинском остроге умерло «от горячки» 57 человек. В этом же году родилось 19 человек, венчаны 4 пары. В 1752 г. в остроге числилось 18 казаков [76, с. 42, 92].

В 1750-х гг. в Читинском остроге и в соседнем приписном селе Засопошное жили казаки Жеребцовы, Поздеевы, Туесовы, Щекины, Ячменевы, разночинцы С. Новограбленный, У. Белослюдцев, М. Сумароков. Читинские семьи имели в собственности до 5 десятин пахотной земли, а также сенокосные угодья. В их усадьбах рядом с жилыми домами строились бани, за которые полагалось платить оброк. Казак И. Куклин, будучи зажиточным, обладал 20 десятинами пахотной земли, ставил по 300 копен сена и имел кузницу. Эти данные известны по результатам ревизии, проведенной по заданию нерчинского воеводы нерчинским отставным казаком Иваном Поповым [19, л. 2–3; 48, с. 23–28].

В то же время был составлен реестр острогов, слобод и пограничных караулов Нерчинского воеводства. В числе 6 острогов значится Читинский. В том же списке такие остроги, как Итанцинский, Телембинский, Аргунский,

Еравнинский, Сретенский [16, л. 547–547 об.]. Территориально Читинский острог по отношению к другим занимал срединное положение; именно через него пролегли дороги от западных острогов к восточным и южным.

В 1762 г. в Читинском остроге проживало 73 жителя, в том числе казаки, разночинцы и крестьяне. В середине 1760-х гг. крестьянское население острога было приписано к Нерчинскому сереброплавильному заводу. В административном отношении оно оказалось включено в состав Городищенской слободы, являвшейся центром Городищенской волости [11, с. 2].

В 1768 г. сгорели читинская церковь и 2 соседних дома. Часть образов и утвари удалось спасти. В 1771 г. построено новое здание Архангельской церкви, но уже на новом, более возвышенном месте [76, с. 30–36].

В мае 1772 г. в Читинский острог прибыл академик Санкт-Петербургской академии наук П. С. Паллас, где ему изготовили плот, а в Засопошном напекли хлеба. Паллас упоминает оз. Кенон, изобильное большими карасями и щуками [11, с. 233–234]. В том же году острог дважды посетил доктор медицины И. Г. Георги, в дальнейшем академик Санкт-Петербургской АН, изучавший быт и культуру тунгусов и бурят [11, с. 271–299; 4, с. 48–49].

В 1774 г. в остроге вновь сгорела церковь. 18 декабря 1775 г. преосвященный Михаил благословил протопопа Гробова на закладку Архангельской и Никольской церкви, направив ему грамоту. 12 апреля 1776 г. грамота под расписку вручена читинскому священнику, что позволило ему начать строительство храма. Он был построен в том же году на новом месте из толстых лиственничных бревен и имел 2 этажа. Верхний этаж-престол освящен во имя Архистратига Божия Михаила, нижний – во имя святителя и чудотворца Николая [76, с. 38–50].

В 1797 г. Читинск (так его нередко называли в документах) перешел в ведение Нерчинского горнозаводского правления, при этом основной обязанностью населения стало выжигание древесного угля и доставка его для плавки руд на заводы [11, с. 2]. В 1816 г. Читинский острог определялся в административном плане как центр Читинского отдела Городищенской волости [67, с. 150–152]. К Читинскому отделу было приписано 36 деревень. Из этих деревень самыми ближними к Читинску являлись Титова, Засопошная, Чернова, Сухая, Смоленская, Каштакская, Застепинская, а самыми дальними – Горекинская (в верхнем течение Ингоды), Усть-Ононская и Чиронская (близ слияния Ингоды и Онона) [22, с. 507–508].

В 1823 г. Читинск стал центром Читинской волости, что нашло отражение в «Росписи селений, стоящих по тракту к городу Нерчинску, Городищенской волости, Читинской волости» [23, л. 586]. Согласно закону о «Сибирских учреждениях» от 22 июня 1822 г., введенному Александром I, волость являлась низшей единицей народного самоуправления, образуемых из смежных сельских обществ.

Несмотря на малочисленность жителей и домостроений, Читинск являлся важным селением. Особое значение ему придавало расположение у начала водного пути на восток. В связи с этим на берегах рек Ингоды и Читы, как и прежде, систематически сооружались плоты для сплавов, а также велась заготовка древесины для молевого сплава. Существенным было и нахождение Чи-

тинска на Московско-Сибирском тракте неподалеку от перевала через Яблонный хребет. Через Читинск осуществлялась связь с Нерчинском, Сретенском, а также Нерчинским заводом и другими заводами Приаргунья, с селениями на р. Онон. Читинск посещали чиновники Иркутской губернии, главы Нерчинской области, начальники, инженеры Нерчинского горного округа, купцы, ведущие торговлю с Китаем через Нерчинск и Цурухайтуй, Нерчинской секретной экспедицией и Нерчинской навигационной школой с Иркутском [15, л. 54–57; 17, л. 38, 39, 57].

С 1827 по 1830 г. Читинский острог был основным местом тюремного содержания декабристов. Ко времени прибытия декабристов в остроге было 45 домов, деревянная церковь и горное комиссионерство с принадлежащими ему двумя магазинами – провиантским и соляным. Церковь постройки 1776 г. декабристы определили как ветхую. В остроге было 2 рода начальства: военное, состоящее из коменданта, плац-адъютантов и гарнизонных унтер-офицеров, и горное, которое заведовало деньгами, продовольствием и надзидало за работой. Комендантом острога являлся генерал С. Р. Лепарский, уже известный той части декабристов, чья каторжная жизнь начиналась в Благодатском и Зерентуйском рудниках в Приаргунье. Во время отъездов генерал временное управление поручал своему адъютанту поручику Розенбергу. Караульной ротой командовал капитан П. И. Степанов. В числе военных служили плац-майор О. А. Лепарский, племянник коменданта, и второй его племянник – Куломзин. Казематским доктором был Д. З. Ильинский, обучавшийся до этого на медико-хирургическом отделении Московского университета. С ним были его жена Екатерина Дмитриевна, дочь селенгинского купца Д. Д. Старцева, и теща Феодосия Дмитриевна Старцева. В церкви служил священник Петр Громов.

23 января 1827 г. в Читинский острог прибыла воинская команда, называемая инвалидной, размещенная в станицах Титовской, Кенонской и Сухой. Команда обеспечивала охрану и конвоирование декабристов. Декабристы находились в Читинском остроге с 28 января 1827 г. по 7–9 августа 1830 г. Всего через Читинский острог прошло 85 декабристов. Первоначально они размещались в приспособленных под тюрьмы двух домах местных жителей, а затем с использованием их труда был достроен большой каземат, потом ряд дополнительных зданий, обнесенных высоким бревенчатым частоколом. За пределами тюремного двора большого каземата сохранялся Дьячков каземат. Вокруг селения по-прежнему частокола не было. Для коменданта была выстроена усадьба по соседству с тюремным острогом, на террасовом берегу Читы. Под террасой было пойменное озеро и речка, откуда читинцы брали воду. Здесь был разбит небольшой сад. На речном острове был сооружен зверинец, где за оградой содержались олени и дикие козы. По другую сторону от тюремного острога находились дома, построенные женщинами, прибывшими вслед за декабристами на место их каторжного заключения. Рядом с домами были большие огороды [35, с. 47–100].

Все жилые постройки обносились заборами из горизонтально уложенных жердей, закрепленных на вертикальные столбики. Дороги были песчаными.

По плану декабриста П. И. Фаленберга, созданного в 1830 г., селение занимало площадь не более квадратной версты с несколькими улицами; основной архитектурной доминантой была церковь. Напротив селения, на другой стороне от р. Читы, на склоне сопки, известной в дальнейшем как Титовская, виднелся могучий лиственничный крест. Он был установлен декабристом М. С. Луниным на могиле солдата, сосланного в Забайкалье за участие в восстании Семеновского полка в 1820 г. в Петербурге [32, с. 223–227; 39, с. 45–55].

Пребывание декабристов в Читинском остроге привело к активизации торговли и почтового обращения. После отбытия из острога декабристов и их жен, а также тюремного начальства и воинской команды селение опустело [10, с. 143–154, 162–166].

В рапорте С. И. Смольянинова, содержавшего данные за 1832 г., сообщалось, что в Читинском остроге под его началом служили его помощник, губернский регистратор Петр Федоров сын Кропачев в возрасте 40 лет; копиист Егор Назаров сын Мельников, 25 лет; подканцелярист Симеон Ильин сын Стрелков, 29 лет. В дальнейшем к селению вновь возвращается название Читинск [24, л. 572–575].

В 1833 г. вышел на пенсию и в 1836 г., 2 апреля, в возрасте 67 лет умер С. И. Смольянинов, обергмейстер 1-го класса, кавалер ордена Св. Владимира 4-й ст., в течение 32 лет руководивший делами Читинска. Похоронен Смольянинов у южной стены Михайло-Архангельской церкви [37, с. 58; 76, с. 126–127].

С 1833 г. управителем Читинской волости стал П. Ф. Кропачев. Под его покровительством были члены купеческих семей Кандинских и Чистохиных, семья священнослужителей Титовых [54, с. 4]. В 1839 г. в Читинск вернулся на поселение декабрист Д. И. Завалишин [30], создавший семью с Апполинарией Смольяниновой (дочерью С. И. Смольянинова). Она умерла через 6 лет, 6 декабря 1845 г., и похоронена около церкви [36, с. 389; 37, с. 58; 76, с. 73].

В том же году через Читинск тайно провезли в Акатуй вторично арестованного М. С. Лунина, но об этом все равно в селении стало известно [69, с. 479].

В 1840-х гг. Читинск, который нередко уже тогда именовали Читой, начинают рассматривать как будущий форпост в освоении Амура. В 1844 и 1845 гг. его дважды посещали сенаторские ревизии, изучавшие положение дел в Забайкалье. Через Читинск двигались к Амуру и Аргуни и в обратном направлении научные экспедиции, возглавляемые А. Д. Миддендорфом, М. А. Кастреном, М. К. Агте и др. С 1848 г. в Читинске неоднократно бывали губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев и епископ Иннокентий Вениаминов [30, с. 97, 503, 518]. Важную роль в жизни Читинска играл Д. И. Завалишин, которого уважительно называли адмиралом, имея в виду то, что в свободные годы он был морским офицером [30].

В Читинске продолжала размещаться 4-я сотня Забайкальского казачьего городского полка, обеспечивавшего охрану порядка. В ней было 110 казаков, что составляло более трети населения. По 2–3 казака этой сотни распределялись также по окрестным деревням. Казаки жили в собственных домах, вели хозяйство, но находились под контролем начальства.

17 марта 1851 г. утверждено Положение о Забайкальском казачьем войске, подписанное императором Николаем I. Чита стала военно-административным центром ЗКВ.

11 июня 1851 г. указом императора Николая I была создана Забайкальская область, а местечко Чита возведено в степень города и областного центра [69, л. 560; 27, с. 60–64]. До введения городского самоуправления в 1875 г. Чита напрямую управлялась военным губернатором Забайкальской области, подчинявшимся генерал-губернатору Восточной Сибири. Первым военным губернатором Забайкальской области был П. И. Запольский [41, с. 5–10]. В состав области входило два округа – Верхнеудинский и Нерчинский [20, л. 1], охвативших совокупно территорию от Байкала до верховья Амура [42; 58–61].

В 1850-х гг. город Чита оказался в центре российской политики и общественной жизни. Это было связано с присоединением, освоением и заселением Амура. «Теперь вся правительственная деятельность сосредоточена в Чите» – сообщал своим родственникам из Читы 4 мая 1857 г. декабрист М. А. Бестужев, вернувшийся из Селенгинска в места, где ранее отбывал каторгу, теперь уже для добровольного участия в организации амурских сплавов. В письме от 8 мая он продолжал: «Теперь у нас в Чите деятельность, напоминающая мне Кронштадт в весеннее время. Плоты унижают берег версты на две, везде суетня и крики. Казенные плоты грузят артиллерию, ядра, бомбы и картечи... иду на пристань, чтобы отправить 30 нагруженных и совсем готовых плотов в Шилкинский завод», что составляет «150 000 пудов казенных тяжестей», «а сам... поплыву на легких баржах один» [6, с. 230–231]. Такие сплавы, большие и малые, один за другим отправлялись из Читы, являвшейся верхней амурской пристанью. Напомним, что такой читинская местность стала фактически еще в середине XVII в., с первых сплавов на плотках по Ингоде русских землепроходцев.

В 1862 г. в Читу прибыл князь П. А. Кропоткин в чине есаула Забайкальского казачьего войска. В дальнейшем, будучи известным революционером и ученым, П. А. Кропоткин вспоминал, что в начале жизненного пути ему довелось служить «в молодом разраставшемся городе», подчеркивая при этом, что «история маленькой Читы была историей всей России» [51, с. 128].

Список литературы

1. *Андреевич В. К.* Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 г. / В. К. Андреевич. – СПб., 1887. – 249 с.
2. *Артемьев А. Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во 2-й половине XVII –XVIII вв. / А. Р. Артемьев. – Владивосток : Примор. полиграф. комбинат, 1999. – 336 с.
3. Архив Российской академии наук. Ф. 21. Оп. 2. Д. 22. Л. 326–331.
4. *Балабанов В. Ф.* Исследователи Восточного Забайкалья. Материалы к «Энциклопедии Забайкалья» : библиогр. справ. – Чита : Изд-во ЗабГПУ, 2000. – Вып. 5. – 211 с.
5. *Балабанов В. Ф.* Читинский острог // Народы Забайкалья: возрождение и развитие : сб. материалов науч. конф. – Чита, 1997. – С. 71–75.

6. *Бестужев М. А.* Путевые письма родным и Н. Н. Муравьеву // Естественное наследие декабристов. Г. С. Батеньков, Н. А. Бестужев, М. А. Бестужев, К. П. Торсон. – М., 1995. – Т. 24. – С. 193–262.
7. *Васильев А. П.* Забайкальские казаки : исторический очерк. В 3 т. / А. П. Васильев. – Чита : Тип. войскового хоз. правления Забайк. казачьего Войска, 1916. – Т. 1. – 232 с.
8. *Васильев А. П.* Забайкальские казаки : ист. очерк. В 3 т. / А. П. Васильев. – Чита : Тип. войскового хоз. правления Забайк. казачьего войска, 1916. – Т. 2. – 267 с.
9. *Вершинин Е. В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отеч. ист. – 2003. – № 5. – С. 35–49.
10. Воспоминания Бестужевых / ред. ст. и коммент. М. К. Азадовского. 1951 г. – СПб. : Наука, 2005. – 891 с. – Репринт. воспр.
11. Вся Чита и Забайкалье : торгово-промышл. справ.-путеводитель / изд. И. С. Ушакова. – Чита : Тип. Забайк. губсоюза кооператоров, 1923. – 65 с. – Репринт. воспр.: Чита : ФотоМир, 1993.
12. Грамота енисейскому воеводе Ивану Акимову. 20 августа 1655 г. // Дополнение к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – СПб. : Тип. Эдурда Праца, 1851. – Т. 4. – 452 с.
13. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 2597. Оп. 1. Д. 117. Л. 174.
14. ГАЗК. Ф. 10. 142. ед. хр.
15. ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 25. Л. 54–57, 115–117.
16. ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 64. Л. 547, 547 об.
17. ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 95. Л. 38, 39, 57
18. ГАЗК. Ф. 10, Оп. 1, Д. 137. Л. 360, 375, 375 (об), 452.
19. ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 141. Л. 2–3.
20. ГАЗК. Ф. 13. Оп. 2. Д. 86. Д. 1.
21. ГАЗК. Ф. 31. 8353 ед. хр.
22. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 609. Л. 507–508.
23. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 609. Л. 568, 831.
24. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1061. Л. 572–575.
25. ГАЗК. Ф. 283. 7052 ед. хр.
26. Город Чита и Читинская область : материалы к «Энциклопедии Забайкалья». – Чита : Забайк. гос. пед. ун-т, 2006. – Вып. 9. – 49 с.
27. *Дружинина О. М.* Как образовалась Забайкальская область // Народы Забайкалья: возрождение и развитие : сб. материалов науч. конф. – Чита, 1997. – С. 60–64.
28. *Жеребцов Г. А.* О годе основания Читы // Народы Забайкалья: возрождение и развитие : сб. материалов науч. конф. – Чита, 1997. – С. 68.
29. Житие протопопа Аввакума. – Иркутск : Вост.-Сиб. книжн. изд-во, 1979. – 367 с.
30. *Завалишин Д. И.* Воспоминания / Д. И. Завалишин. – М. : Захаров, 2003. – 608 с. – (Биография и мемуары).
31. Записки путешественников и исследователей (вторая половина XVII–XVIII вв.) : хрестоматия. – Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 2007. – Т. 1. – 480 с.
32. *Зильберштейн И. С.* Художник-декабрист Николай Бестужев / И. С. Зильберштейн. – М. : Изобр. искусство, 1988. – 680 с.
33. *Изгачев В. Г.* Начало русского земледелия в Забайкалье // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов : материалы науч. конф. Чита, 24–25 июня 1971 г. – Чита, 1972. – С. 95–103.

34. *Изгачев В. Г.* Читинское плотбище в XVII в. (исторический очерк) // *Общественные и исторические науки.* – Чита, 1966. – Вып. 10. – С. 55–69.
35. К России любовью горя. Декабристы в восточном Забайкалье. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1976. – 256 с.
36. *Калашиникова Е. Ф.* Завалишин Дмитрий Иринархович // *Энциклопедия Забайкалья.* Читинская область. В 4 т. – Новосибирск : Наука, 2004. – Т. 2: А–З.
37. *Калашиникова Е. Ф.* Смольянинова Аполлинария Семеновна // *Энциклопедия Забайкалья.* Читинская область. В 4 т. – Новосибирск, 2004. – Т. 4: С–Я. – С. 58.
38. *Константинов А. В.* Забайкалье: ступени истории (с древнейших времен до 1917 г.) / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. – 264 с.
39. *Константинов М. В.* Нравственная сила декабристов // Чита: Страницы истории. – Чита, 2011. – С. 44–45.
40. *Константинов М. В.* Нерчинский монетный металл / М. В. Константинов, Г. А. Юргенсон // *Энциклопедия Забайкалья.* Читинская область. В 4 т. – Новосибирск, 2006. – Т. 3. – С. 332.
41. *Константинова Т. А.* Губернаторы Забайкалья. 1851–1917 гг. / Т. А. Константинова. – Чита : Тип. Богданова Г. Г., 2001. – 91 с.
42. *Константинова Т. А.* К началу истории Забайкальской области // *Народы Забайкалья: возрождение и развитие : сб. материалов науч. конф.* – Чита, 1997. – С. 58–61.
43. *Константинова Т. А.* «Нерчинская воеводская канцелярия» // *Малая энцикл. Забайкалья. Культура.* В 2 ч. – Новосибирск, 2009. – Ч. 2: М–Я. – С. 85.
44. *Константинова Т. А.* Нерчинский горный округ // *Энциклопедия Забайкалья.* Читинская область. В 4 т. – Новосибирск, 2009. – Т. 3: И–Р.
45. *Константинова Т. А.* Нерчинское воеводство // *Энциклопедия Забайкалья.* Читинская область. В 4 т. – Новосибирск, 2006. – Т. 3: И–Р. – С. 335–336.
46. *Константинова Т. А.* Нерчинское горное правление // *Малая энциклопедия Забайкалья. Культура.* В 2 ч. – Новосибирск, 2009. – Ч. 2: М–Я. – С. 86–87.
47. *Константинова Т. А.* Смольянинов Семен Иванович // *Энциклопедия Забайкалья.* Читинская область. В 4 т. – Новосибирск, 2006. – Т. 4: С–Я. – С. 58.
48. *Константинова Т. А.* Нерчинское воеводство (1655–1783 гг.) / Т. А. Константинова, А. Н. Халетский // *Нерчинское Забайкалье : архив. вестн. / под ред. М. В. Константинова.* – Чита, 2003. – № 6. – С. 10–58.
49. *Крадин Н. П.* Русское деревянное оборонное зодчество / Н. П. Крадин. – М., 1988. – 140 с.
50. *Крадин Н. П.* О дате основания Нерчинского острога / Н. П. Крадин, М. Ю. Тимофеева // *Вопр. ист.* – 1988. – № 1. – С. 171–174.
51. *Кропоткин П. А.* Записки революционера / П. А. Кропоткин. – СПб : Электротпечатня К. А. Четверакова, 1907. – 345 с.
52. *Куренная И. Г.* Картографические этюды // Чита. Страницы истории. – Чита, 2011. – С. 16–29.
53. *Литвинцев А.* Нерчинск / А. Литвинцев, Л. Бянкина. – М : ПанЪинтер, 2002. – 24 с.
54. *Лобанов В. Г.* Старая Чита. Документальный рассказ / В. Г. Лобанов. – Чита : Полиграфсервис, 2001. – 269 с.
55. *Мельникова А. Р.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (История русской денежной системы с 1533 по 1682 г.) / А. Р. Мельникова. – М. : Финансы и статистика, 1989. – 318 с.
56. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. В 3 т. / Г. Ф. Миллер. – М. : Вост. лит., 2005. – Т. 1. – 630 с.

57. *Можейко И. В.* Полное собрание сочинений. Историческая серия / И. В. Можейко. – М. : Хронос, 1988. – Т. 5. : Награды. – 464 с.
58. *Немеров В. Ф.* Чита. История. Памятные места. Судьбы / В. Ф. Немеров. – Чита : Чит. обл. кн. изд-во, 1994. – 103 с.
59. Отписка воевод Федора Головина и Афанасия Бейтона Нерчинскому воеводе Ивану Власову. Сентябрь и октябрь 1688 г. // Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. – СПб., 1842. – Т. 5. – 540 с.
60. Отписка енисейского воеводы Афанасия Пашкова в Сибирский приказ о походах сына боярского Петра Бекетова в 1652 г. на реку Шилку и Нерчу и о мерах укрепления новых земель за русским государством : сб. док. по истории Бурятии. XVII в. / под ред. Г. Н. Румянцева. – Улан-Удэ : Тип. М-ва культуры Бур. АССР, 1960. – Вып. 1. – 493 с. (Прим.: в названии документа при его публикации допущена ошибка в определении года похода П. Бекетова, он состоялся в 1653 г.)
61. Отписка енисейскому воеводе Афанасию Пашкову сына боярского Петра Бекетова о плавании его по рекам Тунгуске и Селенге и по Байкалу озеру. Июль 1653 г. // Дополнение к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – СПб., 1848. – Т. 3. – 539 с.
62. Отписка енисейскому воеводе Афанасию Пашкову сына боярского Петра Бекетова о плавании его по рекам Тунгуске и Селенге и по Байкалу озеру. Июль 1653 г. // Дополнение к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – СПб., 1851. – Т. 4. – 452 с.
63. Отписка Петра Бекетова из Иргенского острога // Забайкалье: Наука, культура, жизнь : регионал. науч.-популяр. журн. – Чита, 2003. – № 3. – С. 59.
64. Отписка Петра Бекетова из Иргенского острога / публикация В. Ф. Балабанова // Библиогр. указ. к знаменат. и памят. датам по Чит. обл. на 1983 г. – Чита, 1982. – С. 76–79.
65. Очерки истории Забайкальского края / под ред. И. И. Кириллова, Н. В. Гордеева. – Чита : Экспресс-изд-во, 2009. – Т. 1–2. – 440 с.
66. *Петряев Е. Д.* Исследователи и литераторы старого Забайкалья: Очерки по истории культуры края / Е. Д. Петряев. – Чита : Чит. кн. изд-во, 1954. – 257 с.
67. *Пичуев С. П.* Если б не было забыто – может, стало б знаменито // История Городища и Казановой в лицах. – Чита, 2012. – Ч. 3. – 208 с.
68. *Постников А. В.* История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в X – начале XX в. в связи с формированием русско-китайской границы / А. В. Постников. – М. : Ленанд, 2014. – 384 с.
69. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Оп. 2263. Л. 560.
70. Русско-китайские отношения в XVII в. : материалы и документы. В 2 т. / сост. и обработка текста Н. Ф. Демидовой, В. С. Мясникова. – М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1972. – Т. 2. 1686–1691. – 835 с.
71. *Спафарий Николай.* Путешествие в Китай / Николай Спафарий. – М. : Директ-Медиа, 2010. – 375 с.
72. *Тимофеева М. Ю.* К истории основания города Читы // Народы Забайкалья: возрождение и развитие : сб. материалов науч. конф. – Чита, 1997. – С. 71–75.
73. *Тимофеева М. Ю.* Начало русского земледелия в Забайкалье // 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов : материалы науч. конф. Чита. 24–25 июня 1971 г. – Чита, 1971. – С. 95–103.
74. *Тимофеева М. Ю.* Читинский острог в XVIII в. // Забайк. краевед. ежегодник. – Чита : Забайк. филиал РГО, 1971. – № 5. – С. 8–13.

75. Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием / И. Е. Фишер. – СПб. : Императ. акад. наук, 1774. – 631 с.

76. Храмова Л. В. «Тот храм, построенный из бревен» / Л. В. Храмова. – Чита : Экспресс-изд-во, 2012. – 140 с.

77. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. В 4 т. – Новосибирск : Наука, 2006. – Т. 4. : С–Я. – С. 308–312.

History of Chita: on the Threshold of a Town

M. V. Konstantinov, T. A. Konstantinova

Zabaikalsky State University, Chita

State Archives of Zabaikalsky Krai, Chita

Abstract. The article considers the early history of Chita, from the wintering place to a log storage-and-bundling area, and then to a suburb, fortress, settlement, and finally to a town – center of Zabaikalsk region. Chronologically, the article covers a period of 1653–1851s, the beginning of the 1860s is described in the epilogue. Being located on the river Ingoda, in the upper Amur river system, at the foot of the mountain ridge, Chita played an important role in the development of Trans-Baikal territory and Amur River region. The authors introduce a various range of historical documents from the State Archives of Zabaikalsky Krai, as well as generalize results of the research on this issue done by the historians and area studies specialists. Furthermore, the paper reconstructs historical perspective of events, concerning development indifferent closely interlaced areas like government, church, military, scientific and others, that represented the early history of Chita and, at the same time, the history of Zabaikalsk region, considering its geopolitical situation and relationship with China.

Keywords: Chita, wintering place, log storage-and-bundling area, suburb, fortress, Russian explorers, Zabaikalsk region, Amur, China.

Константинов Михаил Васильевич
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории
Забайкальский государственный
университет
664082, г. Чита, ул. Чкалова, д. 140
тел.: 8(3022)26-72-18
e-mail: mail@zabgu.ru

Konstantinov Mikhail Vasilievich
Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History
Zabaikalsky State University
140, Chkalov st., Chita, 664082
tel.: 8(3022)26-72-18
e-mail: mail@zabgu.ru

Константинова Татьяна Андреевна
кандидат исторических наук, заместитель
директора по научной работе
Государственный архив Забайкальского края
672021, г. Чита, ул. Бутина, 55
тел.: 8(3022)32-46-56
e-mail: gu-gazk@mail.ru

Konstantinova Tatiana Andreevna
Candidate of Sciences (History), Deputy
Director for Science
State Archives of Zabaikalsky Krai
55, Butin st., Chita, 672021
tel.: 8(3022)32-46-56
e-mail: gu-gazk@mail.ru